

Найди то, не знаю что

Кадзунари Миоши

Кадзунари никогда не славился умением выстраивать долгие подробные планы или долгие же подробные маршруты – и с успехом продолжает этого не делать. Хотя он в их бестолковом трио вроде как и назначен временно главным, и типа того отвечает за общий успех поездки, но это всё равно не заставляет Кадзу сесть, собраться и выстроить, что, после чего и как им делать. Маршрут собирается в голове у юноши из разрозненных кусочков и очень постепенно. Как пазл, который нужно постоянно дополнять и то и дело браться за новую, нетронутую ранее часть.

И ведь складывается же.

Крохотными кусочками, разбираясь со всеми вопросами исключительно тогда, когда они возникают, и ни минутой ранее. Этим нехитрым, безответственным даже в чем-то способом Кадзунари легко проводит их маленькую группу почти по всем этапам путешествия. Этап последний – деревенька уже практически перед самым монастырем – по мнению юноши, ничем отличаться не должен.

– Всё ништяк, – беззаботно напоминает друзьям Кадзунари, пока его пальцы летают над экраном смартфон, проясняя и выясняя, куда и как от этой автобусной остановки двигаться дальше. – Маленький рисёч, и мчим дальше. Вы пока можете заценить это улетное местечко. Наверняка сюда ещё вернёмся, – если в монастыре, что немаловероятно, нет связи, то как минимум Кадзунари уж точно возвращаться будет часто. Не соображать же в горах сотовую вышку кустарным методом, из подручных материалов.

Масуми Икаруга

Следовать за Кадзунари – одна из легчайших вещей, что только можно себе вообразить. Яркий, как хвост кометы, он непрерывно маячит впереди даже не стаей вертких искр – целым бойким костром, пляшущим и зазывно подмигивающим. Захочешь, а все одно мимо себя не пропустишь, если хоть один глаз имеешь.

У Масуми, по счастью, оба глаза на месте от самого рождения и в течение всех двадцати лет непрерывно. Поэтому путешествие для него проходит легче лёгкого. Знай себе следуй по пятам мчащегося впереди, искрящегося энтузиазмом Кадзунари, служи перемычкой между ним и грозовым облаком Джузы, вот и вся задача. С ней Масуми справляется запросто: вообразить себя полрой трубкой, через которую течёт, смешиваясь, но не взрываясь, такая полярно разная чужая энергия, это для него не фокус даже. Так, упражнение на полминуты где-то, а потом просто про него не забывать.

И стараться не откликаться на случайно брошенные слова слишком рьяно.

– Улетное? – с глубоким сомнением повторяет Масуми, эхом откликаясь на слова погруженного в телефон Кадзунари. Юноша вопросительно раскидывает руки, словно крылья, словно собираясь взлететь, и оглядывается на Джузу. Нет, этот надёжно заземлен, этот в полет не пойдёт точно. Разве что как на трамплин на него можно положиться – вот это уж гарантированно.

Джуза Хиодо

Когда Джуза хватался за друзей, упрашивая взять его с собой куда угодно, хоть к дракону в пасть, он далеко не в полной мере представлял себе, во что ввязывается.

Для него, например, стало открытием, что путешествовать можно не так, как все нормальные люди делают, более-менее четко понимая, куда и что, а так вот, как Кадзунари. Останавливаясь на каждом шагу, чтобы узнать, куда дальше, и при этом никогда не заглядывая дальше следующего шага. Из принципа, что ли. Все попытки Джузы намекнуть на то, что можно как-нибудь просмотреть маршрут целиком, а не спотыкаться через каждые пять минут, (довольно топорные, прямо скажем) прошли незамеченными. То ли Кадзунари их проигнорировал, то ли действительно искренне не услышал - результат в любом случае был одинаковым. И вылился в то, что сейчас вся троица застряла в небольшой деревеньке, терпеливо ожидая, пока их проводник наиграется со своим телефоном и выудит из него какую-нибудь полезную информацию.

- А если просто спросить? У кого-нибудь? Ну, у жителей там? - напрямую предложил Джуза. Однако тут же эту мысль потерял: Масуми раскинул руки так, словно собирался то ли повиснуть на кресте, то ли и впрямь немедленно взлететь. Зная его физические способности - ага, невысоко и ненадолго, но воспарит. И обязательно привлечет к себе кучу ненужного внимания. Джуза поспешил сгрести непутевого товарища за шею, втолковывая ему: - На месте стой, - и тем самым окончательно упустил возможность призвать Кадзунари к здравому смыслу и как-нибудь извлечь его из недр смартфона.

Кадзунари Миоши

При большом желании, конечно, можно заставить Кадзунари делать все не так, как ему привычно, удобно и ня, а так, как все приличные люди считают основательным и правильным. Если догнать, поймать, накомылять по шее, сломать парочку пальцев – словом, если хорошенько поработать в направлении членовредительства, то да, как-нибудь можно обуздать Кадзунари и направить его в пристойное русло. Но в их маленькой компании ожидать чего-то подобного можно разве только от Джузы. Который пока не спешит распускать руки – точнее, не спешит делать это именно в адрес Кадзунари. Пока страдает и терпит тонкая шея Масуми, Кадзу же в это время сражается с картой, выбивая из неё сведения, которых там в жизни не было. Крутит, вертит и рассматривает, и наконец приходит к какому-никакому выводу.

Хотя – почему это к "никакому"? Очень даже к какому.

– Девочки, не деритесь. Станете некрасивые, – заявляет Кадзунари, пряча телефон. И разъясняет двум парам удивлённо смотрящих на него глаз: – Наш путь ждёт нас! Прямо до упора, а потом направо, и так до самого утра, – до безумия упрощенное описание маршрута, но вместе с тем возмутительно верное. Кадзунари именно этим компактным кирпичиком укладывает предстоящий путь у себя в голове. После чего, подавая живой пример, берет Джузу за рукав и первым начинает шагать сквозь деревню. А Масуми там как-нибудь приложится, он в данные минуты, благодаря захвату на шее, идёт строго обязательным приложением к Джузе.

Масуми Икаруга

Судя по исполненному сомнений лицу Джузы, участвовать в полётах он в ближайшее время не собирается вообще. Ни в качестве трамплина, ни тем более в роли летуна.

- Улетное, - нежно напоминает Масуми и ещё раз приглашающе разводит руками вверх. Но тем самым добивается только того, что лишь укрепляет растущие в друге подозрения. И Джуза после недолгих размышлений приходит к тому, что берет и хватает Масуми за шею. Вот так просто.

Хват у него крепкий, поистине медвежий. Масуми под рукой Джузы немедленно пригибается к земле - ива согнется, дуб сломается - и дальше так и существует в прогибе.

Вся эта возня никак не затрагивает Кадзунари, поэтому он успевает знатно вскопать просторы своего смартфона, посадить семена, дожидаться всходов, собрать урожай и объявить, что он готов идти дальше. А заодно обоих обозвать "девчонками" - Масуми, положим, такое слышит нередко, но именно от Кадзунари - впервые, поэтому все равно удивлён, а уж что по этому поводу думает Джуза, и вовсе лучше не интересоваться. Явно ничего приличного.

Объявив, что он все выяснил и знает, куда идти, Кадзунари тут же берет на себя роль гида, хватая Джузу за рукав и ведёт за собой, целеустремленно вымеривая улицу шагами. По-прежнему же схваченному Масуми и деваться-то некуда. Он семенит за Джузой мелкими перебежками, все в таком же прогибе, и лишь старается делать это как-нибудь проворнее, чтобы можно было догнать Кадзунари и, в свою очередь, держаться за него. Тогда у них выйдет треугольник - а это, особенно в движении, вещь куда более стильная, чем просто скучная прямая.

Джуза Хиодо

По отдельности Кадзунари и Масуми - уже вполне себе невозможные создания. Когда же они объединяются, пытаться ими хоть как-то управлять сразу становится в разы сложнее. Пока воюешь с одним и кое-как его укрощаешь, удерживая в более-менее приличном виде, второй в это время оказывается предоставлен сам себе и беззаботно порхает где хочет, вытворяет что хочет.

Вот и в этот раз - пока Джуза возился с Масуми, пресекая на корню его совершенно не кстати возникшее желание куда-нибудь и как-нибудь взлететь, Кадзунари, за которым совершенно никто не следил, беззаботно копался в своём телефоне сколько и как ему вздумается. Хорошо хоть, вроде бы полезно изучал карту, а не занимался какой-то дичью.

- Кто не ссорьтесь? - напрягся Джуза. У него даже шея одеревенела от попыток осознать, что его только что обозвали девочкой. Кадзунари же в это время уже ухватил Джузу за рукав, и всюду мчался вперёд, кажется, беззаботно щебеча что-то на бегу. Под боком болтался Масуми, явно делающий на бегу что-то свое, но не отстающий и в другую сторону упряжку не тянущий. И Джузе только и оставалось, что не рушить их пока держащееся вместе построение. И, шагая вместе со всеми, пытаться на ходу выяснить у Кадзунари: - Хоть в этот раз - ты знаешь, куда нам идти? Или опять - только до первого поворота?

Кадзунари Миоши

— Ну ладно, пусть будут "мальчики", если хочешь, — сразу же уступает Кадзунари. У него нет привычки цепляться за свои слова и отстаивать их до потери пульса. В подавляющем большинстве случаев слова, которые он пихает в свою речь, выбраны чисто для того, чтобы звучать более эмоционально. А в остальном — запросто можно их менять на что-то более или менее нейтральное без потери смысла. — Тебе так легче? И вообще, ты услышал не ту часть фразы! Главное было в другой её половине! При чём тут вообще "девочки"?

Но главное достигнуто: в воздухе перестало пахнуть озоном и сгущающимися подзатыльниками. Вот и славно.

Теперь ещё разобраться с остатками дороги — похоже, постоянная сверка с картами за последние дни пробила в репутации Кадзунари немыслимых размеров брешь, — и

проблем не останется совсем.

— Обижаешь, дружище. Я, может, и выгляжу, как исполняющая желания золотая рыбка, но память у меня уж всяко не такая короткая, — самонадеянно заявляет Кадзунари. И, хотя сейчас Джуза и Масуми едва ли могут его видеть, всё равно подмигивает: — Нормуль-нормуль, всюду дойдём, нигде не потеряемся! О, а не наш ли это поворот?

Выглядит как самый что ни на есть "их" поворот, поэтому Кадзунари после секундного размышления тянет в эту сторону всю честную компанию. И продолжает вышагивать впереди гордым флагманом, полный уверенности: ещё немного пройти, и там покажется выход из деревни, а за ним уже и заветная тропа. По которой нужно будет бежать строго вперёд, никуда не сворачивая, пока искомый монастырь сам не выпрыгнет на усталых путников. Такой план.

Масуми Икаруга

Это странно, но чирикающее "нормуль-нормуль" в исполнении Кадзунари звучит как заклинание.

По меньшей мере, на Масуми оно действует именно так. Немедленно стирает все сомнения, оставляя взамен одну только цветущую безмятежность. Звучит как обещание, которому нельзя не поверить, и Масуми охотно верит.

А вот у Джузы далеко не всё с этой жизнью так просто, и его пальцы смыкаются на загривке у Масуми с прежней неумолимой цепкостью, нисколько не ослабляя хватку. Но пока не ломают шею - жить можно, и даже безмятежности это не омрачает.

Масуми всё так же следует за товарищами смешными перебежками, мелко семеня и почти перегнувшись пополам. Его ни на мгновение не озадачивает мысль, что можно потребовать к себе уважения, и стряхнуть пальцы Джузы со своей шеи, и выпрямиться в полный рост. А не бежать копчиком кверху, привлекая к себе некоторое количество удивлённых взглядов. Масуми ограничивается лишь тем, что на повороте всё-таки догоняет Кадзунари и ухитряется за него зацепиться, чтобы наконец выстроить его - неровный, пьяно плавающий во все стороны, но всё же треугольник. Такое построение его душе гораздо ближе и приятнее. Так можно идти долго и куда угодно, и неважно, что для этого приходится терпеть некоторые неудобства. Ерунда же, право.

Джуза Хиодо

Джузе приходилось не слишком-то по душе то, что ему нужно было соотносить разом за себя и за того парня - а с другой стороны, какая у него была альтернатива. У Масуми голова была устроена как-то категорически не так, как у большинства живых людей, и это, конечно, сильно бросалось в глаза. С Масуми запросто стало бы всю дорогу так и бежать, задницей кверху, и никаких неудобств в этом не видеть. Поэтому, как только Джуза понял, что их развеселое трио рискует вот-вот заостенеть в своём странном построении, он немедленно принял меры: поспешил разжать пальцы и выпустить загривок Масуми. Так, с одной стороны, он уже не контролировал своего умеренно буйного и не вполне предсказуемого товарища. Но при этом же, с другой стороны, их троица при этом начинала на какое-то время выглядеть менее странно, так что имело смысл попробовать. Может, успеют выйти из деревни - а там, на менее людной местности, уже не будет иметь такое значение, каким именно способом, кто и кого будет держать в узде.

- Под твою ответственность, - пробурчал Джуза. Кадзунари тем временем исполнил свой любимый трюк и следом за ослепительной уверенностью в успехе тут же

выдал напоминание о том, что он способен на ровном месте запутаться в двух поворотах и сойти с курса. Джуза мог только понадеяться на то, что нужный курс они в этот раз все же удержали. Напоминать Кадзунари об ответственности было бесполезно: он был способен сконцентрироваться настолько же, насколько это сделала бы перепархивающая с цветка на цветок бестолковая бабочка. То есть никак примерно.

Кадзунари Миоши

– Не психуй, чудо, – почти напевно просит Кадзунари, когда Масуми вдруг начинает за него хвататься, как будто нашаривает что-то. Свою священную треугольную философию, не иначе. Впрочем, это же Масуми. Для него всегда надо по умолчанию делать поправку на то, что он на любимых своих треугольниках крепко повёрнутый – и Кадзунари предполагает, что их дружба по умолчанию накладывает на него обязательство такую поправку вечно делать. Это не сложно, нужно только к тем треугольникам, звучащим к месту и не к месту, привыкнуть. С Джузой немного сложнее. Джуза начинает волноваться в те моменты, когда чувствует, что твёрдая почва начинает уходить у него из-под ног, и сейчас он явно волнуется. Ему Кадзунари тоже нежно напоминает: – И ты не психуй, друже, – вообще, разве у них хоть что-то не в порядке? Разве что грядущий маршрут самую малость не определён, но Кадзунари, в отличие от своих товарищей, искренне кайфует от этого ощущения, когда идти приходится немножко по краю: в целом всё отлично и в норме, но всегда остаётся некий шанс неиллюзорно накосячить.

И особенный мазохистский кайф – в том, какие резкие и острые уколы интуиции вонзаются под рёбра: *здесь важно*.

– Сюда, – уверенно заявляет Кадзунари, закладывая лихую дугу поворота и волоча товарищей за собой. А ещё через несколько минут деревня заканчивается, обрывается воротами и уходящей вдаль тропинкой, и Кадзунари прибавляет шаг с радостным возгласом: – Ага! Что я говорил? Почти на месте! Вот она, наша дорога, вся здесь, нам теперь прямо по ней. Кто готов последнему рывку? Никто не собирается признаться в усталости и свалиться замертво прямо здесь? Нет таких желающих, я надеюсь?

Масуми Икаруга

На пару секунд Масуми задумывается о том, к кому обращается Кадзунари и кому это здесь надо не психовать; потом решает, что точно не к нему. Он и так не психует. Он мягок и спокоен, как маршмеллоу. Так спокоен, что его можно хоть сейчас в космос отправлять. Вверх, к звездам, к тройной гамме Овна, а там и зазимовать можно.

Насладиться этими мыслями Масуми как следует не дают: стальная хватка пальцев Джузы на его шее размыкается. В первую очередь это значит, что Масуми больше не рискует быть задушенным. Но вместе с тем, и даже в ту же самую неумолимую первую очередь это означает, что разомкнулся их красивый треугольный клин, которым они так замечательно. Да, по вершинам клина парней все еще трое - но много ли в этом смысла, если угол от них теперь остался всего один?

- Вернись, - нежно требует Масуми. И, поскольку Джуза не спешит снова за него схватиться, тянет к нему руку сам. Как раз в это время Кадзунари делает резкий поворот, направляя всю троицу в другую сторону, и на пару секунд Масуми оказывается почти вплотную к Джузе. Что более чем достаточно для того, чтобы клещом вцепиться товарищу в локоть и держаться мертвой хваткой.

Треугольник восстановлен, с ним теперь можно хоть на Джомолунгму - тоже, кстати, в каком-то смысле треугольник.

- К рывкам готов, - заявляет Масуми. Теперь-то, когда он вновь обрел душевное равновесие и полное спокойствие, его можно хоть какими рывками рвать, ничего его не смутит и не огорчит. - Мне пристегнуть ремень безопасности? Страховочный трос? Какое оборудование нам понадобится для рывка? Шучу. Идем. Нас ждет вечер и волшебство. И еще... восторг? - Масуми с некоторым затруднением подбирает третье слово. И оно туда не совсем подходит, но с другой стороны, двух слов недостаточно, это какое-то неполное, половинчатое описание. Даже пусть чуть больше чем половинчатое - все равно неполное.

Джуза Хиодо

Джуза как будто был единственным, кого волновало, как их бравая троица выглядела со стороны. Что Кадзунари, что Масуми смотрели на мир через какую-то глубоко свою призму, и в её преломлении их поведение состыковывалось с окружающим миром вообще без проблем. Тогда как для Джузы выкрутасы товарищей явно из окружающего мира выламывались, со вполне себе отчётливым хрустом.

И ведь никак их не сделаешь менее выразительными и громкими. Это всё равно что пытаться стереть их ластиком: можно даже преуспеть, да только какой в этом смысл, если по итогу от двух ярких друзей останутся одни лишь невнятные разводы. Короче, надо с ними как-то сосуществовать.

- Ты что, совсем одурел? - проворчал Джуза, когда Масуми потребовал обратно схватить его за шею. Не для того они, знаете ли, выкручивались из сомнительной позы, чтобы снова к ней возвращаться. Естественно, ничего подобного Джуза делать не стал. И тогда на ближайшем же повороте Масуми прыгнул почти по-кошачьи, вцепляясь Джузе в руку. Но такое построение, слава богам, уже было менее диким, чем предыдущее, хотя бы за счет того, что в этот раз все трое шли прямо, головами вверх, как положено, и никакой хитровыдуманной акробатикой поражать воображение прохожих не пытались. А потому к этой новой вариации Джуза отнесся более благосклонно. Позволил Масуми продолжать цепляться за дорожную его сердцу треугольную форму и только ещё раз напомнил Кадзунари: - Меньше болтай, больше за дорогой следи. Повороты там не пропускай. Тепло. Я, если что, нас не спасу, я вообще не знаю, куда идти.

И очень зря, с бесконечно запоздалым сожалением подумал Джуза, надо было заранее подстраховаться и тоже карты поизучать. А теперь-то уже чего трепыхаться, теперь уже поздно, смысла на месте пытаться копаться в картах особого нет.

Джасмин Джефлеа

Троих юношей Джасмин заметила во время своего недолгого визита в деревню - и, честно говоря, не заметить молодых людей было сложно. Они почти что врезались в Джаз, двигаясь странным треугольным построением, затем едва не проскакали по голове мужчине, попавшемуся им на пути следом, и вихляющимися зигзагами двинулись дальше. Джасмин неторопливо шла за ними следом, пока ей было с молодыми людьми по дороге, и зрелище, которое она видела перед собой, ее откровенно забавляло. Не каждый день такое увидишь, во-первых, а во-вторых, юноши были очень милы в своих бестолковых телодвижениях.

Посмеивалась над незадачливыми путешественниками Джасмин до тех пор, пока не

заметила, что как-то подозрительно долго они идут в одну сторону. Что уже осталось рукой подать до ворот, а значит, велик шанс, что юноши направляются прочь из деревни в поисках Линь Ян Шо. Стоило об этом подумать, и мысль уже не покидала, продолжая вращаться в мозгу с прохладной уверенностью. Своей интуиции Джаз привыкла доверять, потому что предчувствия, сопровождавшиеся пульсированием фиолетовой чакры, имели обыкновение оказываться вопиюще верными. И тем не менее, это все еще не было поводом бросаться к молодым людям и набиваться к ним в сопровождающие. В конце концов, может же она ошибаться? Вдруг они успеют еще заложить решительный поворот и двинуться в совершенно ином направлении? Поэтому Джаз мирно шагала за юношами на расстоянии, которое считала условно-безопасным, и пока что ограничивалась наблюдениями. В случае чего - подойти ближе и сказать "привет, мне тоже в монастырь" она всегда успеет.

Кадзунари Миоши

С точки зрения Кадзунари, в их маленькой компании пока все стабильно нормально. Масуми тихо и нежно чудит, Джуза негромко и миролюбиво ворчит, напоминая, что из них троих именно он – тот якорь, который надежно держится за эту грешную землю и не позволяет никому потеряться вне пространства и времени, и все это – привычная норма, всегда так было. Кадзунари же, не пресекая ни ворчание, ни чудачества, тащит товарищей за собой вперед. Туда, где за синими горами, за белым туманом должен их ждать волшебный монастырь, и никакие возражения не принимаются.

Ну, разве что какое-нибудь одно.

С какого-то момента у Кадзунари начинает невыносимо свербеть лопатка. Сперва юноше кажется, что это просто от волнения – тот классический случай, когда в самый неподходящий момент организм пытается изойти на чесотку во всех доступных и недоступных местах сразу, – но, прислушавшись к себе повнимательнее, Кадзунари решает, что с нервным чёсом это не имеет ничего общего.

Хм, тогда как насчет немного призыва обернуться?

И, обернувшись, Кадзунари честно обшаривает взглядом улицу у себя за спиной. Улица как улица, ничего примечательного. Взгляду зацепиться не за что, думает Кадзунари – а потом поправляет сам себя: не за что, но есть *за кого*. Идущая за ними следом чуть поодаль миловидная рыжая европейка никак не относится к тем людям, которых ожидаешь увидеть в глухой тибетской деревне. Она *наверняка* что-то знает про монастырь, Кадзунари уверен в этом так, что аж внутри все звенит на грани трещин, как стекло. Поэтому юноша уверенно разворачивает товарищей и тянет их навстречу рыжей европейке – чтобы, поравнявшись с девушкой, с самой приятной улыбкой заявить: – Доброго денечка! Чудесная погода, не правда ли? А нам бы тут в Линь Ян Шо попасть. Не подскажете, как дойти? Мы верной дорогой идем или путаем что?

Масуми Икаруга

Вопреки негромкому и недовольному ворчанию Джузы - чем-то оно похоже на кошачье мурлыканье, ходят слухи, что это синоним угрозы и предвестник кровавого убийства, но Масуми никак не в силах срастить кажущийся ему весьма нежным звук с подобным жестким значением, - пока у их троицы всё идёт очень даже хорошо.

Очень даже бойко. Кадзунари ведет их вперед, и все его жесты сквозят оглушительной уверенностью. Такой, что Масуми попросту не в состоянии доверять ему, его решениям и его поворотам, какую бы причудливую пляску они ни плясали. Даже тогда, когда Кадзунари разворачивается на сто восемьдесят градусов, вынуждая Масуми описать на дороге залихватский полукруг, и несется обратно по дороге, туда, откуда они только что пришли.

Очень быстро выясняется, что именно привлекло его внимание, вернее, кто именно. Лучась дружелюбием, Кадзунари пытается завести разговор с рыжеволосой девушкой, а Масуми таращится поверх его плеча и глаз отвести не может. Ему в толк никак не взять, как, почему и откуда эта девушка могла взяться в глухой тибетской деревне, а еще с чего вдруг Кадзунари так уверенно подкатывается к ней под бок. Ну, наверное, он знает, точно так же, как знал до этого весь путь до деревни, порой уверенный в своих движениях на ровном месте и абсолютно без зримых на то причин. Поэтому Масуми молчит, таращится и не мешает. И отмечает про себя, что у девушки очень красивое лицо, несмотря на то, что треугольные формы почти во всех своих проявлениях гибко обошли её стороной. Разве что нос легко можно треугольником счесть - но нос, он ведь у каждого есть, это и не считается почти.

Джуза Хиодо

Треугольники или нет, а на девушек они никак не договаривались.

Джуза иногда обманывал себя, полагая, что привык к выкрутасам своих товарищей - фигня и вранье, к такому нужно привыкать очень долго. Явно не один десяток лет, и то, даже после этого все еще остается вероятность, что где-нибудь они да удивят, в какую-нибудь щель да влезут со своими внезапными выкрутасами. Вот, например, когда очень четко бежавший к ведущим из деревни воротам Кадзунари вдруг решил заложить разворот на сто восемьдесят градусов и устремиться в прямо противоположном направлении - ну как такое предугадаешь? А привыкнуть к такому как? Никак, в том-то вся и соль. Хорошо ещё (да хорошо ли?), что у Джузы допуск доверия к друзьям был огромный. Что он не стал продолжать тянуть к воротам или вкапываться в землю намертво, выясняя, куда это и кто здесь собрался, а просто послушно потащился следом за Кадзунари. Хотя очень быстро о своём послушании пожалел.

Потому что сменить курс, как быстро выяснилось, Кадзунари решил ради того, чтобы броситься навстречу симпатичной девушке. И обаять ее улыбками и вопросами про Линь Ян Шо.

Хорошо, что Масуми не бросился немедленно поддерживать эту затею, а пока стоял и молчал. Но всё равно, Джуза исправно застыдился за троих - вот же нашёл время! как будто им сейчас до того, чтобы за девушками бегать! - и дернул Кадзунари на себя, рассерженно шипя: - Тебе заняться нечем? Ты же компас наш! Куда тебя перекосило, скажи на милость? - Отрастить бы вторую голову, да где ее возьмешь, поэтому Джуза быстро вынужденно перестал выговаривать товарищу и сконфуженно поклонился девушке: - Простите нас, пожалуйста. Мы уже уходим.

Джасмин Джефлеа

Маленькая оговорка: когда Джасмин находила телодвижения идущих перед ней юношей очаровательными, она никак не рассчитывала на то, что молодые люди бодро поскачут к ней и попытаются сделать её частью этих телодвижений тоже. Немалая доля очарования была именно в том, чтобы наблюдать за хаосом

издалека, не впутываясь в этот хаос самой. Джаз сперва попыталась было шагнуть в сторону, уступая целеустремленной компании рельсы, лыжню и все остальное - но очень быстро поняла, что никакого смысла в этом нет. Что молодые люди двигаются прямой наводкой четко на неё, тут что уступай, что не уступай - всё одно, догонят и причинят счастье и радость. Поэтому Джаз терпеливо замерла на месте, позволяя юношам поравняться с ней и предъявить все вопросы или что у них там возникло.

Оказалось, вопросы были только у одного юноши. Зато уж более чем конкретные. Глядя на его пышущее уверенностью лицо, Джасмин невольно задалась вопросом, потому ли молодой человек выцепил ее из толпы, что она оглушительно выбивалась своей внешностью из череды местных жителей, или за этим стоит нечто большее, причём, возможно, мистически большее. А может, и то, и другое сразу. Словом, это вопрос интересный, его не худо бы прояснить.

- *Maybe*, - пожала плечами Джасмин, стараясь выглядеть равнодушно и не вопить одним только своим внешним видом о том, что она всё знает. - А вы с какой целью спрашиваете? Осматриваете достопримечательности? - Второй юноша тем временем вмешался в разговор и попытался увести своих спутников. Джаз за развитием событий следила с вежливым интересом, не вмешиваясь - если уж им суждено попасть в Линь Ян Шо, так молодые люди тем или иным способом за нее зацепятся, подыгрывать ти не обязательно, - и сама тем временем мысленно потянулась к юношам, пытаясь понять, кто перед ней и насколько здесь веет магией, которую нужно помогать осваивать, прятать в Линь Ян Шо, и прочая, и прочая.

Возможно (англ.)

Кадзунари Миоши

Европейская девушка, что закономерно, не горит желанием немедленно знакомиться с тремя бросившимися к ней под ноги японцами, это чувствуется по её сдержанному прохладному ответу, тут даже магии не требуется. Но Кадзунари находит, что такая холодная отстраненность ей очень даже идёт. Она так становится похожа на европейскую королеву, а королевы – это всегда красиво.

Кадзунари бы и больше разглядел, но его уже немилосердно трясет Джуза, который явно считает, что они лезут куда-то за грань дозволенного. Что девушка вот-вот их проклянет за бесцеремонность или еще что. В понимании же Кадзунари, они нормально, цивилизованно общаются. Ну да, не слишком радостно – ну так они и не познакомились ещё толком, дайте срок, и всё изменится. Поэтому дергающему его за руки Джузе юноша успокаивающе отвечает: – Тихо-тихо, у нас тут всё в норме. Не паникуй, ради всего святого, нас пока не бьют и в полицию не сдают, – но это пока. У девушки на лице так и читаются сомнения, огромные, как небоскреб. Того и гляди, схватит метлу и погонит прочь. Раздумывать здесь особо некогда, приходится действовать по наитию. И Кадзунари, нутром чувствуя, что здесь имеет смысл жирно намекнуть на магию, многозначительно говорит: – Да вот, можно даже сказать – в паломничество идем. Очень уж, говорят, *волшебное* там место, – жирно подчеркивает Кадзунари. И понижает голос до состояния полной почти нелегальности, через плечо указывает девушке на Масуми и тихо рассказывает: – Видите? Человек-птица. Того и гляди, к облакам в любой момент воспарит, дурная голова. Уж и не знаем, какими силами его на земле держать. Может, вы что посоветуете? Я верю, вы можете! Вы выглядите как очень мудрая женщина, в ваших

знаниях даже сомневаться грешно, – беззастенчиво льстит Кадзунари. Хотя что-то из того, что он здесь наговорил, но должно же попасть в цель. Не может такого быть, чтобы всё мимо.

Масуми Икаруга

На какое-то время Масуми напрочь перестает выделяться на фоне своих друзей. Наоборот даже, теряется рядом с ними. Кадзунари рассыпает вокруг себя переливчатый бисер торопливых слов, как он умеет, Джуза рядом показывает, что он по-скалистому основательный, серьёзный и твердый, тоже в лучших традициях его монолитного характера. Масуми же ничего не показывает, предпочитая молча смотреть. Его до крайности увлекает мимика рыжей европейки. То, как она то сосредоточенно хмурит, то удивленно приподнимает брови - движения неяркие, мелкие даже, но очень четко выражающие все, что должны, никакая агрессивная мимика лучше бы не справилась. Масуми понимает, что их внимательно рассматривают, взвешивают и оценивают. И пока находят скорее подозрительными, чем заслуживающими доверия - но в любом случае, не настолько удивительными, чтобы гладкий светлый лоб девушки пошел волнами совсем уж некрасивых морщин. И правильно, думает Масуми, продолжая потихоньку любоваться, у неё замечательная форма бровей, ни к чему лишний раз заставлять их ломаться от удивления.

Кадзунари тем временем не оставляет попыток обаять девушку, засыпая её ворохом цветастых слов. И слова про человека-птицу Масуми очень однозначно воспринимает на свой счет. Как призыв продемонстрировать. Воспарить, конечно, не получится, потому что Джуза бдительным якорем повиснет на пятках, на плечах и удержит. Поэтому Масуми выбирает более спокойный путь демонстрации. Он сосредотачивается на длинной рыжей пряди, выбившейся у виска девушки, представляет себе, как хочет перебрать ее пальцами, тянется теплым желанием вместо руки, посылает его в воздух ласковым возмущением - и воздух откликается мягким движением, покачивая прядь волос возле нежной персиковой щеки.

- Вы красивая, - дополняет Масуми своё маленькое выступление. И отдирает от лямки рюкзака маленький треугольный брелок, похожий на насквозь дырчатый сыр, даже ажурный где-то. - Это вам. Треугольник. Удачливый. Возьмите, пожалуйста.

Джуза Хиодо

Джуза, признаться, рассчитывал на то, что товарищей он плюс-минус влегкую отцепит от девушки и вернет на прежний курс - так же хорошо и относительно гладко все шло до этого, с чего бы сейчас чему-то меняться. Однако неожиданно для него Кадзунари и Масуми словно в землю вросли. То есть, конечно, их все еще можно было закинуть на плечо, или поволочь волоком поперек живота, или иными способами увести силой, но это какие-то совсем крайние методы, далёкие от цивилизованного решения проблем. Хотелось бы по возможности их избежать - и Джуза, скрипя мозгами, эту возможность усердно искал.

Но не находил, а Кадзунари и Масуми, пущенные на самотёк, тем временем начинали фокусничать и чудить.

- Какие люди-птицы? Нет здесь никаких человекоптиц, - с легким запозданием встрепнулся Джуза. Понадежнее сгреб Масуми за плечи - тот, по счастью, ещё не успел ласточкой стартовать ввысь, но, зная, как он легок на подъём, можно было быть уверенным, что сорваться вверх он способен в любой момент, пусть даже никуда толком улететь у него не получится, - и с нажимом повторил: - Нет. Никто

никуда не летает. Не слушайте фантазеров, пожалуйста, - а фантазеры между тем не унимались и пытались себя выдать девушке не одним, так другим способом. Масуми вот намеки Кадзунари про человека-птицу воспринял со всей ответственностью, вскинул руки и принялся колдовать. Издалека, может, было и не разобрать ничего - но стоящий вблизи Джуза ясно понимал, что его друг взялся за сотворение ветра. И попытался вмешаться, сердито хлопнув Масуми по тощим рукам: - Прекрати немедленно! - да какое там, разве за ним угонишься. Он еще и треугольными подарками успел своё выступление сверху отполировать.

Джасмин Джефлеа

В троицу молодых людей, в общем-то, и вглядываться толком не пришлось - почти сразу же Джасмин увидела, как у юноши, заговорившего с ней первым, тревожно и ярко светятся верхние чакры. Как будто он непрерывно магически вглядывался и вслушивался в окружающий мир, пытаясь его прочесть и предугадать. Словом, на взгляд Джасмин, это очень походило на то, как работает развитая интуиция прорицателя, превосходя интуицию обычную в стандартном смысле этого слова. И уже одного этого, в принципе, хватило бы девушке для того, чтобы признать, что звезды сошлись и выстроились в правильный круг, нужные люди встретились в нужное время в нужном месте, юношей надо прибирать к рукам и вести в Линь Ян Шо, потому что им явно туда.

Но разговаривающий с Джасмин молодой человек, вестимо, был не в курсе, что ей уже всех демонстраций хватило. Он уже вовсю призывал своего друга присоединиться к беседе. И косвенно этот призыв звучал так, как будто девушке будут прямо тут, не откладывая в долгий ящик, демонстрировать превращение в птицу, но, по счастью, обошлось. Вместо превращений второй юноша, высокий и тонкий, прибежал к другой магии: Джасмин увидела, как у него в горле ярко вспыхнула голубая Вишуддха, а потом почувствовала мягкое, но очень отчетливое прикосновение ветра к лицу и волосам. И вскинула руку, спеша пресечь все эти фокусы, пока молодые люди не решили, что для большей убедительности следует призвать ураган: - *Merci*. Вы показали мне достаточно. Больше не надо.

Затормозить молодых людей этой репликой, правда, сразу не получилось. Второй юноша уже как будто разогнался втираться в доверие всеми доступными способами - то есть, он явно подразумевал не это, а что-то гораздо более честное, но Джасмин ходу не подобрала его действиям прилично звучащего определения. Джасмин приняла из рук юноши треугольный брелок, кивнула, повторила: - *Merci*, - и позвала: - Ну что ж, пойдемте. Провожу вас. А вы пока расскажете мне немного о себе, хорошо? С чем вы к нам пожаловали, что ищете и все такое прочее? - На всякий случай еще раз поманив молодых людей за собой, Джасмин двинулась к воротам, ведущим из деревни, до которых уже и так оставалась от силы минута ходу. Вот уж действительно - столкнулись почти что на пороге.

Благодарю (фр.)

Кадзунари Миоши

— Мы и еще что-нибудь можем показать, — с готовностью говорит Кадзунари. Ляпает и только после этого задумывается, что, как и куда они могут показать. Разве только

немагическую мощь Джузы — а Джуза тем временем в упор не улавливает, что, к чему и зачем. Он упрямо гнет линию совсем в другую сторону, уверяет, что никаких чудес не знает, не видел, никому не скажет. Вряд ли его слова перебьют и задавят собой гладкое выступление Масуми — но тем не менее, стоит его притормозить. Кадзунари с самым что ни на есть невинным видом наступает Джузе на ногу. И кротко просит: — Помолчи, пожалуйста. Мы тут вопросы решаем, а ты немножко мешаешь. Самую малость, честное слово. Помолчи, а?

И, пока Кадзунари держит эту нехитрую речь, пытаюсь совладать с заупрямившимся другом, девушка уже принимает решение. Выносит вердикт, который звучит как "да" и тем самым невероятно ласкает слух, приглашает идти за ней, и Кадзунари радостно расцветает в ответ. Вот, парочка правильных вопросов, и как всё в итоге оказалось просто. А могло бы быть сложно. Шастали бы сейчас, выискивали тропинку в горах.

— Видишь? — полушепотом спрашивает Кадзунари у Джузы. И так же полушепотом поясняет: — Ты мне доверяй. Я, может, и не всегда знаю наверняка, зато всегда чувствую. У меня шестое чувство — знаешь какое? Да что я тебе рассказываю, ты же знаешь! Пойдем-пойдем, не отставай, пока девушка не передумала. И ты — пойдём, — напоминает Кадзунари уже знатно растекшемуся от влюбленности Масуми. Хотя ему, в таком виде, конечно, напоминать не надо, сам пойдет и следы в пыли еще целовать будет. Когда успел только до такого состояния прийти.

— Мы, знаете, как-то вдруг поняли, что мы не вмещаемся в рамки обычного мира. Ищем мир расширенный, более удивительный, — доверительно сообщает девушке Кадзунари, догоняя ее уже в воротах. И продолжает трещать, выкладывая информацию: — Меня зовут Кадзунари. И я, знаете ли, как-то вот умею двигать предметы глазами. Могу показать, если хотите. Хотите? А это, вот, мои друзья, Масуми и Джуза. И они... хотя чего я-то за всех за всех говорю? А пусть ребята вам сами про себя расскажут? Они с презентацией себя справятся явно лучше. Как вы думаете? Давайте, Суми, Джучан, похвалите себя перед девушкой как следует, — командует Кадзунари, обращаясь к товарищам. И успевает еще вопрос к девушке вернуть: — Скажите, а как вас зовут? Клянусь, это очень нужная информация, мне жизненно важно это знать!

Масуми Икаруга

Масуми вовсе, вовсе не уверен, что рыжая девушка оценит его попытки быть дивным магом. Очень может быть, что она уже не ценит, как это делает тяжело и сердито сопящий над ухом Джуза. Уверенности нет никакой, только и остается, что безоглядно доверять Кадзунари и его чутью. Кадзунари же просит колдовать, и Масуми покорно колдует. Толкает от себя обманчиво послушный и податливый воздух снова и снова, пока девушка не вскидывает ладонь, останавливая его. Красивый жест. Королевский жест.

И примерно в это же время Масуми получает от Джузы по рукам.

Это больно. Джуза бьет хлестко, со всей назидательной беспощадностью. Масуми отдергивает руки, прижимает к себе пострадавшие предплечья, смотрит обиженно. И вдумчиво сообщает: - Ауч. Синяки же будут. - И хорошо, что только синяки: Джуза способен бить сильнее. Масуми с легкостью представляет себе, как от более мощного удара у него отсыхают и переламываются руки, и отваливаются по самые плечи. Это всё, пожалуй, очень может быть.

Тем временем нехитрое колдовство Масуми в сочетании с ослепительной улыбкой Кадзунари (а возможно, еще и с неуклюжим обаянием Джузы) творят маленькое

чудо. Девушка приглашает всех троих парней следовать за ней, обещает показать, где находится Линь Ян Шо, да и в целом начинает смотреть куда более благосклонно. Масуми сперва притормаживает от неожиданности - он не сразу понимает, что ситуация совершила решительный поворот, и только что у них было всё не очень хорошо, в теперь совсем наоборот, весьма даже замечательно, - а потом в два широких, восторженных прыжка нагоняет девушку и доверчиво идет за ней по пятам. До него даже не доходит, что его просят что-то там рассказать; он только смутно улавливает, что речь идет о нем, и кивает, подтверждая, что да, Масуми - это он.

Да разве это сейчас так уж важно, в конце концов.

Джуза Хиодо

Когда Кадзунари на пару с Масуми начинают хором исполнять невообразимое, чтобы в финале из него соткался четкий, правильный и нужный результат, - Джузе остается только развести руками и капитулировать. Это магия, не иначе. С ней не поспоришь.

Сейчас был именно такой случай. На взгляд Джузы, два балбеса своими выкрутасами могли как минимум напугать рыжую европейку; как максимум - вляпаться в неприятную историю с далекоидущими последствиями. Внезапно ничего из этого не произошло, а случился третий, сперва нелогичным даже показавшийся вариант: вопреки всему девушка вызвалась их проводить и пригласила следовать за ней.

Джуза зашагал за своими товарищами с сильным опозданием: у него до сих пор в голове не укладывалось, как это все так легко и удачно сложилось, и вдоль спинного мозга тоже особенно не растягивалось, просто принимать на веру и механически шагать раз-два-левой не получалось. В голове назойливой мухой бился вопрос: как? Ну как? Внешне всё выглядело так, будто Кадзунари, повинувшись мимолетному импульсу, бросил вообще все и принялся клеить первую попавшуюся красивую девушку, зацепившую его взгляд. Потом Масуми, поплывший от красоты ещё хуже, чем Кадзунари, забросал европейку поверх магическими фокусами, и из всего этого абсурда для молодых людей неведомым образом соткался проводник. Джузе это никак не давало покоя, и он кончил тем, что прямо в лоб спросил: - Почему вы решили показать нам дорогу? Чем мы вдруг это заслужили?

Для вежливости и обаяния, в конце концов, у них есть Кадзунари. Он и сгладит все острые углы, если вдруг что пойдёт не так и попытается выйти боком.

Джасмин Джефлеа

Шагать вперёд гордым царственным ледеколом и слушать, как у неё за спиной молодые люди мягко переругиваются, было бы красивой картинкой, но не сложилось. Юноши начали представляться – вернее, представляться начал один за всех, словно настоящий гасконский мушкетёр, - и пришлось оборачиваться, хватать памятью лица и соединять с ними непривычные японские имена.

- *Hajimemashite*, - выдала в ответ Джаз и сама себе поразилась. Внешне, конечно, она постаралась этого никак не показывать - что за мастер будет стоять перед учениками с видом "вот это ничего себе я ляпнула", эдак от репутации и имиджа останутся одни ошметки, - но удивилась внезапно всплывшему слову, которое у нее, оказывается, обреталось в глубинах памяти. И где только успела подобрать. Жестом Джасмин поспешила остановить Кадзунари, который уже рвался показывать

ей все свои бесценные умения, да и дирижировал своими товарищами на её вкус, он уж слишком бескомпромиссно. Джаз, конечно, опытным мастером пока не была, поэтому её подход авторитетным можно было назвать с натяжкой - но всё же, она предпочитала быть мягче, чтобы не давить на учеников сверх необходимого, чтобы давать им относительную свободу и позволять раскрываться самим. Кадзунари же, при всей его внешней щебечущей милоте, давил довольно жёстко, и из принудительной самопрезентации могло ничего хорошего не выйти.

- Разбираться будем постепенно. *Step by step*, - сказала Джасмин. К этому моменту они уже вышли за пределы деревни, и всюду шагали по узкой тропинке в направлении монастыря, и можно было не оглядываться после каждого слова, опасаясь посторонних ушей. Опытным путём в монастыре Джасмин уже выяснила, что её имя лучше предельно сокращать, чтобы оно вызывало у окружающих как можно меньше проблем. - Меня зовут Джаз. И в Линь Ян Шо я живу как мастер. Учитель. Преподаватель. - Она последовательно пробовала все подходящие слова, будто словарь синонимов открывала, пытаясь донести до молодых людей смысл как можно точнее. - Вы планируете учиться в Линь Ян Шо? И долго?

Если Масуми был ей уже примерно понятен как начинающий маг Воздуха, если Кадзунари она для себя уже определила как интуитивного прорицателя, то третий юноша, Джуза, пока оставался размытым пятном. Никакой магии он пока не проявлял, ни в чём признаваться не спешил. Зато как будто выступал балансиром, пытался уравновесить романтическую бестолковость своих товарищей, задавал трезвые, очень приземлённые вопросы. Даже чуть-чуть отдающие паранойей. Джаз обернулась к нему, улыбнулась одобряюще и сказала как можно теплее: - Если коротко, то это моя задача как мастера. Раз вы идёте в Линь Ян Шо как ученики, чтобы изучать магию, а я вас встретила, то теперь моя обязанность - помочь вам добраться до монастыря. Это как минимум. Если упрощать, вы заслужили это своим даром и желанием его развивать. - И всё-таки она не чувствовала, что успокоила Джузу. Его аура непрерывно шла дергающейся рябью, похожей на тревогу. Но Джаз рассчитывала, что за время пути у нее получится эту тревогу унять. Она ведь, в конце концов, искренне не планирует ничего плохого и правда собирается лишь помогать ученикам в пределах своих полномочий, как должно прилежному мастеру.

В конце концов, может быть, кто-то из них станет первым учеником, которого доверят ей как куратору.

Очень приятно (яп.)
Шаг за шагом (англ.)

Кадзунари Миоши

С неудовольствием Кадзунари приходит к выводу, что в отдельные моменты у Джузы на ногах можно хоть чечётку отплясывать, а он и не почувствует. Вот сейчас, например, момент именно такой — когда Джуза по уши в паранойе, в каких-то невнятных тревогах, и ничем ни его из этой фигни не выколотишь, ни этой фигни из него. Кадзунари, впрочем, не перестает пытаться.

— Не обижай девушку! — свистящим шепотом упрекает он. И с размаху наступает Джузе на ногу еще раз, и всем лицом семафорит Масуми, призывая сделать то же самое и постоять за прекрасную монахиню. А то ну как она оскорбится недоверием,

и уйдет невесть куда, и придется выгребать самим – в общем, все это будет совершенно ни к чему. Но девушка пока демонстрирует удивительную благосклонность и даже не обижается на то, как Джуза недоверчиво и колюче ершится. Более того, она продолжает говорить и понемногу отвечает на вопросы, и безошибочно чувствуется, что от нее можно узнать и еще намного, намного больше. – Получается, вы – Джаз-сенсей? – бойко уточняет Кадзунари, охотно подхватывая предлагаемую ему логику, соединяя разрозненные обрывки информации в единое целое. И с уважением хлопает глазами: если слова "преподаватель" и "учитель" кажутся совсем обыденными, ничем не примечательными, то вот слово "мастер", с помощью которого девушка отрекомендовывает себя в первую очередь – это уже звучит очень внушительно и весомо. И не то чтобы напрочь прибывает к земле, но уже как-то мешает все так же оголтело виться вокруг бестолковой бабочкой и беспорядочно щебетать: резко становится то ли невежливо, то ли несолидно, то ли все сразу. Кадзунари почтительно приглушает обороты и кротко интересуется: – А что именно вы преподаете? – Не откладывая в долгий ящик, он уже начинает понемногу прощупывать почву, выясняя, под каким предлогом можно напроситься к яркой мастерице на урок. И крепко подозревает, что не его одного это интересует. Что Масуми, например, охотно под этим вопросом распишется. У него уже зрачки были в форме треугольников, и в его случае это определенно означало сердечки.

Масуми Икаруга

У Масуми слова соскальзывают со слуха. Он где-то *по-над землёй*, отчасти не здесь, занятый в основном тем, чтобы шагать по следам прекрасной европейки, не сбиваясь. И только отдельные реплики, подобно сорвавшимся с края крыши каплям воды, ухитряются всё же достичь его плавающего в розовой жиже мозга, пробивают себе дорогу сквозь романтически-невнятную кашу.

"Меня зовут Джаз".

Кап.

"Учитель".

Кап.

"Заслужили своим даром".

Кап.

Он ведь, кажется, улавливает все самое важное, так о чем волноваться? Но Кадзунари по неясной причине волнуется. И всем лицом семафорит о том, что чего-то хочет, да настойчиво так, и лицо его почти кричит, несмотря на то, что так-то Кадзу продолжает мило общаться и голосом отнюдь не хлопчет. С усилием Масуми заставляет себя перестать залипать на яркие рыжие волосы, выдергивает себя обратно в реальность и озирается по сторонам, пытаясь понять, что же такое происходит у него прямо под носом, что требует его немедленного вмешательства.

О. Конечно. Джуза.

Масуми знает, что Джуза воспринимает отсутствие у него дара, подобного дарам его друзей, довольно болезненно. А теперь – теперь, возможно, слова Джаз-сенсей резанут его еще сильнее, возможно, ему почудится намек, что он, как лишенный дара человек, не должен добираться до Линь Ян Шо, должен уйти. Так категорически нельзя, внутри Масуми с этим не согласно все: и мозг, и сердце, и легкие, и вообще весь суповой набор внутренностей и костей. Масуми липнет к Джузе с несерьезными объятиями, пытается оплести его собой, как виноградной лозой, и нежно, но настойчиво твердит: – Вы ведь проводите нас всех? Мы можем учиться в Линь Ян Шо все втроем? Пойдем туда все вместе?

И если сейчас Джаз-сенсей вдруг скажет "нет" - что ж, значит, им с Кадзунари придется попотеть, чтобы это "нет" сменилось на "да", вот единственный вариант, который всех устроит.

Джуза Хиодо

Чем дольше Джуза слушал, тем активнее ему не нравилось все, что он слышал. Хотя тут с какой стороны посмотреть, конечно. Для Кадзунари и Масуми, например, все складывалось идеально, их явно были готовы привечать в монастыре с распростертыми объятиями. А вот для самого Джузы дело пахло обратным билетом до Токио. Никакими магическими умениями он козырнуть не мог, стало быть, получалось, что дара у него как будто и нет, а раз так, то и делать ему в волшебном Линь Ян Шо нечего. Потому что сандалия он дырявая, а не перспективный ученик, получалось. Правда, напрямую Джаз-сенсей этого пока не озвучила, все обходилась деликатными полунамеками. Но Джузе и полунамеков было достаточно, чтобы с легкостью их расшифровать: а он бездарность, да, как обычно. Жизнь раз за разом утыкала его в это обстоятельство, напрочь игнорируя его готовность лоб расшибать об учёбу, и сейчас опять дорожка туда же вывернула.

- А у меня нет дара! –

- сказал Джуза честно и горько, полагая, что если уж резать правду-матку, то самому и как можно раньше, чтобы потом не так больно было. Отдирать медленно и мучительно, оно же всем известно, что гораздо больнее. - Вот у Кадзу есть, у Суми есть. А у меня - никакого! Я бездарен, как покрывало! Могу сразу топтать обратно в деревню? - Ему искренне хотелось прояснить это сразу, не увязая в полунамеках и неловких объяснениях.

И было бы проще, если бы друзья, прекрасно зная о том, какая он магическая пустышка, не питали иллюзий насчёт него, а просто отпустили бы его с миром. Но они, очевидно, уже что-то такое себе выдумали, и Масуми повис на Джузе только что не с ногами, как будто пытаюсь удержать, и было очевидно, что, недалек тот час, Кадзунари последует за ним. Поэтому Джуза попытался спешно стряхнуть Масуми со своих плеч и принялся почти свирепо уговаривать: - Отпусти, дурак! Щас вот меня выпрут прочь, и тебя со мной заодно, потому что ты вовремя не отцепился. Оно тебе надо?

И у него в эти мгновения совершенно точно не щипало и не кололо в носу.

Джасмин Джефлеа

Джуза упорно не успокаивался, более того, заражал своим беспокойством и двух других юношей. Понять, из-за чего именно он так волновался, вышло не сразу - казалось бы, Джасмин подтвердила свою готовность проводить его в монастырь, иных зримых поводов не было. Джаз смутно ощущала, что проблема все-таки в ее словах. Что где-то она обронила что-то не то, что теперь и портило весь диалог, но никак не получалось уловить, что же она такого неосторожно произнесла. И только после того, как беспокойство Джузы все-таки прорвалось яркой, почти обиженной вспышкой, стало наконец понятно: ах, вот где была эта роковая небрежность в словах, вот что его так задело.

- Конечно, втроем. Я вас потому и веду в Линь Ян Шо всех троих, что вы можете там жить и учиться все вместе. Будь иначе, я бы сразу оставила в деревне того, кого не планирую пускать в монастырь, - сказала Джасмин, стремясь в первую очередь успокоить Масуми и ответить на его вопросы, потому что это было быстрее и проще.

Дальше она переключилась на Джузу, потому что тут объяснение требовалось более подробное и убедительное. И вообще нужно было его успокаивать с неистовой силой, потому что он уже начал нервно брыкаться, и как бы дело не дошло до травм - по богатырскому телосложению Джузы было очевидно, что он в состоянии отвесить звучную затрещину даже совершенно случайно, вовсе не имея этого своей целью, а целитель из Джаз пока был околонулевой. Возиться с синяками, или хуже того, с выбитыми зубами, ей вовсе не хотелось.

- Никто никого никуда "выпирать" не будет, - с нажимом сказала Джасмин. И для большей убедительности взяла Джузу за руку, подчеркивая, что она ведет его в монастырь и будет вести до самых ворот, и иных намерений не имеет. - *Primo*, не воспринимай слово "дар" как синоним магии. Это вовсе не так. В Линь Ян Шо немало немагических дисциплин, которые могут тебе подойти. Например, вдруг ты окажешься большим талантом по части боевых искусств? - Ей интуитивно казалось, что именно эта ветка дисциплин отлично подойдет Джузе, с учетом того, какой он габаритный и физически могучий, и что именно ее следовало приводить в пример в первую очередь, а не какие-нибудь миролюбивые травы или камни. - *Secundo*, даже если мы говорим именно о магии - в монастыре немало талантливых мастеров, хорошо знающих свое дело. Им отлично удастся пробуждать скрытые магические таланты в тех, кто не сумел обнаружить своей магии самостоятельно. - Правда, сейчас сложно было сказать, чтобы мастера густо проводили занятия. Но Джаз полагала, что если она пробежится по мастерскому корпусу и как следует всем понадоедает, то у кого-нибудь что-нибудь да выпросит для новых учеников. - *Ad tertium*, если Линь Ян Шо прислал меня к тебе навстречу, это автоматически означает, что ты имеешь право туда войти. Вне зависимости от того, сколько талантов ты успел или не успел в себе раскрыть. Если бы было иначе, проводника ты бы не встретил и дороги до Линь Ян Шо бы не нашел. Понимаешь? Все хорошо. Тебе не надо никуда возвращаться. Если не будешь нарушать правила поведения, тебя примут и выгонять не будут. - Под конец Джаз уговаривала встревоженного парня уже ласково, отчетливо ощущая, что эта тема для него болезненная. Вопрос Кадзунари на фоне этого она отложила на потом - список дисциплин вот вообще никуда не денется и распрекрасным образом подождет.

Во-первых (лат.)

Во-вторых (лат.)

В-третьих (лат.)

Кадзунари Миоши

"Дар" — в целом слово опасно громкое, а если неосторожно употреблять его при Джузе, так тем более, у Джузы это, в силу его убежденности в собственной вопиющей бездарности, критически болезненное место. Так что Кадзунари тут ни разу не на высоте, когда ухитряется эту опасность прошляпить. Когда гроза уже над самой головой и угрожает в кого-то разрядиться со всех молний, а он и ухом не ведет. Даже Масуми, как бы ни витал в облаках, реагирует быстрее — а Кадзунари все до последнего отличается глухой невнимательностью, начисто отвлеченный солнечно-рыжими локонами.

Ох уж эти красивые девушки. Услада для глаз, но сколько же с ними сложностей.

Пока Масуми виснет у Джузы на плечах, Кадзунари всерьез планирует кинуться ему в ноги на случай, если тот на психе все-таки развернется возвращаться в деревню. Но потом в дело вмешивается Джаз-сенсей и берет нервничающего Джузу в свои руки. Причем в прямом смысле слова. Да так, что Кадзунари весь едва не исходит на зависть. И малодушно думает: может, ему тоже изобразить какой-нибудь приступ душевной тревоги? Чтобы его точно так же подержали за руку и ласково поговаривали?

Ладно, он выше этого. Да к тому же, это может выглядеть как издевка над Джузой, а издеваться над товарищем Кадзу хочет в последнюю очередь. Вернее, вообще не хочет. Он, может, и легкомысленный, и невнимательный, но уж точно не бесчувственный.

— Вот видишь, как все классно устроено? А ты простачок и дурачок, навывдумывал себе всякой ненужной жести, — воркует Кадзунари, похлопывая Джузу по плечу. И думает: ох, хоть бы слова Джаз-сенсей его успокоили. Хотя про боевые искусства, это она здорово придумала сказать, дерется Джуза и впрямь неплохо. — Ты не птица-кукушка, ты птица-психушка! Не обижай Джаз-сенсей. Зачем думаешь, что Джаз-сенсей тебя здесь бросит? — Потому что лучшая тактика — это нападение, и плевать, что там, кажется, были какие-то уточнения.

Масуми Икаруга

Масуми висит у Джузы на шее и готовится погибнуть смертью храбрых. Потому что Джуза в нервном возбуждении пытается его с себя стряхнуть, и таки да, постепенно сгребает его со своих плеч все сильнее, и скоро Масуми бесславно схлопнется на землю, где, возможно, будет растоптан насмерть. Вот и весь сказ. Конечно, Масуми напрягает пальцы изо всех сил, и держится цепко, и даже подумывает о том, чтобы обхватить Джузу еще и ногами, чтобы повиснуть на нём, как на дереве - с другой стороны, а что это даст. Джузе вообще ничто не помешает прямо так, с болтающимся на шее Масуми, рвануть обратно в деревню, на чистой энергии обиды и жжения пониже спины. В общем, полагает Масуми, тут самое время для чуда, поэтому если оно есть в арсенале у прекрасной Джаз-сенсей - пора выпускать его, как кракена.

Чудо или нет, а кое-что в арсенале есть действительно.

Вот и чувствуется, что Джаз-сенсей действительно преподаватель: она с легкостью разгоняется с нуля до длиннющей мотивирующей речи. Да такой, что Масуми и сам раскрывает рот от изумления, хотя все слова предназначены вовсе не ему. И загорается обучаться в Линь Ян Шо ещё жарче прежнего, и уже предвкушает, как у него будет возможность феерически раскрыть в себе множество магических и немагических даров. В идеальных мечтах это все ещё и произойдёт под руководством эффектной Джаз-сенсей, конечно. Поэтому Масуми желает выяснить, насколько такие мечты реальны, безотлагательно. И нежно повторяет за Кадзунари вопрос, как-то затерявшийся в диалоге, но тоже по-своему значимый: - Джаз-сенсей, а что вы преподаёте?

Ведь сейчас, кажется, гроза уже миновала? Самая острая проблема уже решена и больше не стягивает на себя всё внимание? Можно теперь рассчитывать и на то, что у прочих вопросов тоже есть шанс привлечь внимание мастера?

Джуза Хиодо

Джуза честно ожидал пинка обратно в направлении деревни. Насчёт самого себя он иллюзий не питал: в сравнении со способностями Кадзунари и Масуми его

собственные таланты были, мягко говоря, отсутствующими. И в магическом монастыре делать ему было как будто бы нечего. И больше того, что его могут сейчас отправить в обратную дорогу в гордом одиночестве, его пугала только перспектива, при котором его товарищей выставляли за порог вместе с ним - а пока как будто к тому дело и шло. Потому что Суми, повисший на Джузе как на столбе, явно намеревался умереть, но рук не размыкать, и Кадзу вполне мог последовать его дурному примеру, и кончилось бы это тем, что прочь отправили бы всех троих, не желая возиться с их капризами. Джуза успел, неприятно холодея, додумать эту мысль до конца - а потом Джаз-сенсей вдруг взяла его за руку.

И стала держать.

Крепко.

И из её долгой речи однозначно следовало, что никто никого никуда не прогонит.

Джуза ощутил позорное, размякшее облегчение, когда Джаз-сенсей сказала, что дар может быть немагическим и даже уронила фразу о том, что боевые искусства тоже считаются. Правда, манеру Джузы драться на грани с готовностью отгрызть сопернику и нос, и ухо, и всё, что неосторожно перед зубами маячит, красивым словосочетанием "боевые искусства" назвать было сложно. Но это было уже хоть что-то, за что он мог цепляться. Что-то, что у него получилось бы изобразить, не фальшивя слишком уж вопиющим образом. Перед ним замаячил шанс, за который определённо нужно было цепляться всеми четырьмя.

- Я буду очень стараться! - горячо сказал Джуза. И посмотрел на тёплую ладонь Джаз-сенсей, как будто соединяющую его с таинственным монастырём, и свободной рукой обхватил Масуми, по-прежнему висевшего на нём, как на баобабе: - А ты что в меня вцепился как мартышка? Думаешь, я тебя всю дорогу на себе потащу?

Хотя, может быть, он и потащит. В сравнении с только что решенной проблемой это уже ощущалось мелочью.

Джасмин Джефлеа

Джасмин толкала речь и думала: а вот и еще одна проверка на вшивость. Экзамен у сифу Грей был только самым началом и отнюдь не самой тяжелой частью. Куда более заковыристыми оказывались задачи, которые приходилось решать по ходу рутинной мастерской деятельности и уже без надзора старших мастеров, без расчета на то, что кто-нибудь из старших коллег успеет заметить и исправить оплошность. Наверное, потом это *действительно* станет рутиной, и уже не будет так сильно тревожить. Сейчас же Джасмин волновалась, хоть и старалась этого не выдать, и всячески заталкивала волнение на дно души. Ее первоочередной задачей было удержать ученика, ни в коем случае не позволить ему остаться при впечатлении, что его вот-вот выгонят. И что-то из того, что она наворотила - а может быть, даже и все сразу в совокупности - помогло. Лицо Джузы отчетливо просветлело, и аура его тоже прояснилась, темные пятна с нее словно смыло нахлынувшим ярким воодушевлением, и Джасмин разрешила себе успокоиться.

- Я уверена, что у тебя все получится. Что у мастеров не будет к тебе никаких претензий, - сказала Джаз, стараясь ободрить ученика и закрепить в нем это светлое настроение. Покосилась на Масуми, попросила: - Давай ты все-таки не будешь ехать на своем друге, а дойдешь сам? Тут не так далеко и сложно, честное слово. Даже я справляюсь. - И со второго раза она наконец заметила обращенный к ней вопрос касательно учебы. Сомневаясь в том, что кого-то из парней это заинтересует - как минимум, прямо сейчас, - Джасмин все же сказала: - В основном - преподаю

ментальную магию. Рассказываю о магических способах работы с мыслями. - Кто-то из мастериц магию подобного рода, не имеющую немедленного физического выражения, называл в кулуарах "абстрактным ля-ля" - но это было выражение не для того, чтобы воспринимать всерьез, и уж точно не для того, чтобы повторять его при учениках. - В целом же, в Линь Ян Шо преподают более тридцати дисциплин. И, если что-то вас заинтересует, то уж наверняка найдется кому провести для вас занятие. Я помогу договориться. - С одной стороны, Джаз не рассчитывала, что ей, совсем недавно ходящей в мастерах, доверят лично опекать и наставлять аж троих учеников сразу. С другой стороны, она по меньшей мере могла пообещать самой себе, что в любом случае контакт с юношами не потеряет и будет периодически проверять, как у них дела, а то и помогать при необходимости. Большого вреда от этого не будет, и за тренировку можно считать тоже.
